

УДК 342.924.(47)(091)

Нормативные акты как источник изучения окраинной политики самодержавия в России в начале XIX – XX в.*

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

В статье анализируется развитие нормативной базы по управлению окраинами Российской империи, даются определения понятий «окраина», «периферия», «империя», «регион».

Ключевые слова: Азиатская Россия, имперское законодательство, окраины России, периферия, империя, регион.

Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных наук: историками, юристами, географами, политологами и др., позволил вынести на обсуждение общественности сложные комплексные проблемы, решение которых невозможно только в рамках одного научного направления, но диктуется практическими потребностями разработки парадигмы взаимоотношения регионов и метрополии в масштабах государства. Строго говоря, проблема эта не нова. Она стояла перед самодержавием на протяжении всех трехсот лет существования романовской империи и, как представляется, существует и сегодня. Объясняется это как особенностями исторического развития, так и геополитическими особенностями российской государственности – ее европейско-азиатским строением, огромными расстояниями, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями. Не последнюю роль в этом процессе играли время и способы включения нерусских народов в состав России. Все это побуждало самодержавие к постоянному поиску путей консолидации империи, важнейшей и конечной целью которых было предотвращение угрозы национального сепаратизма. Народы и государства существуют не в безвоздушном пространстве, а в конкретном географическом и историческом измерении. Последнее обстоятельство накладывало существенный отпечаток на выстраивание системы отношений центра и периферии, которые вплоть до начала XX в. отличались известной

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-11-14006 «Иностранное самоуправление на Северо-Востоке России в 1822 г. – начале XX в.: структура и функции в системе управления».

гибкостью и поливариантностью. Именно поэтому важным средством инкорпорации окраинных территорий в единый общероссийский организм признавалась не только земледельческая колонизация, но и административно-правовая и социокультурная унификация.

Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционное диополе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов Федерации, сохраняющаяся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» выдвигают перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этом смысле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным. Что касается историко-правового подхода к проблеме, то представляется, что взгляд на нее через призму анализа имперского законодательства так же правомерен, как и через призму философии, религии, культуры и т. д. Именно такой подход к оценке проблемы становления и развития российской государственности на всех этапах ее истории позволяет в совокупности представить общие закономерности и особенности ее территориального, этнического устройства, а в конечном итоге эволюцию форм государственного управления, политических институтов и структур власти.

Хронологические рамки публикации охватывают период с 1822 по 1917 г. Выбор нижней хронологической границы объясняется введением в 1822 г. «Сибирского учреждения» М. М. Сперанского, ставшего не только первым в России, но и наиболее полным комплексом регионально-территориального законодательства, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившим общероссийскую кодификацию на десять лет. Расширение территории государства в первой половине XIX в., и как следствие, усложнение внутривластных задач выдвигали перед правительством требование поиска оптимальных путей инкорпорации окраинных территорий в общеимперское пространство. В этом смысле «Сибирское учреждение» вполне вписывалось в палитру общероссийского законодательства об управлении окраинами империи, т. е. находилось в русле общегосударственной политики.

Конечная дата исследования авторов – февраль 1917 г. – время крушения империи и связанных с ней политических институтов власти и управления. Выделение такого хронологического периода позволяет, как представляется, проследить динамику развития имперского законодательства на окраинах государства, выявить их наиболее характерные и специфические черты, выделить основные этапы развития политики имперского регионализма.

Территориальные рамки публикации охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических

процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. В то же время идеология компаративизма в исторических исследованиях, исповедуемая авторами, повлекла необходимость привлечения и анализа материала, относящегося не только к Сибири, но и к другим окраинам империи. В данном случае такими окраинами стали Дальний Восток на Востоке, Польша – на Западе, Финляндия – на Северо-Западе и Кавказ – на Юге.

Предметом исследования является законодательная политика по отношению к окраинам государства, но главное внимание сконцентрировано на анализе самих нормативных актов империи, а не на проведении их в жизнь. Это тема уже самостоятельного исследования.

В связи с определением основной задачи авторов – изучение именно окраинного законодательства империи, важной задачей авторов стало четкое определение понятийного аппарата, без чего было бы невозможно изучение избранной проблематики. Это замечание касается прежде всего таких дефиниций, как «окраина», «империя» и «регион».

Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями в уровне экономического развития.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства. Действительно, отдельные особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, но внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала в ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством. Однако по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу великого московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную

границу между Русским государством и сибирским ханством. Инициатива объединения русских земель могла исходить из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно вырабатывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали понимать не только удаленные от центра, но и находящиеся в подчиненном к нему положении земли. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие». С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России стала складываться только в XVIII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» Русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще не покоренных кочевников. Правительство сознавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от центра по мере расширения территории российского государства, колонизации окраин.

Советские исследователи не раз пытались определить содержание дефиниции «окраина». Особенно много писал на эту тему известный исследователь истории Сибири Л. М. Горюшкин. Оценивая вклад этого историка в разработку интересующего нас понятийного аппарата, необходимо учитывать, что основные работы Л. М. Горюшкина были опубликованы в середине 70–80-х гг. XX в., когда положения ленинской методологии в СССР казались незыблемыми. Как известно, В. И. Ленин относил к окраинам «незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли». Основываясь на этом положении, Л. М. Горюшкин отнес Сибирь к окраинам России конца XIX в. В то же время он высказал суждение о том, что «отнесение к окраинам ... уже заселенных и вовлеченных в “земледельческую культуру”... Царства Польского... начала XIX в. представляется ошибочным» [4, с. 73]. Однако сомнительно, чтобы степень заселенности и земледельческого освоения являлась основным критерием для определения понятия «окраина». Вряд ли это так. Используемый авторами региональный подход к изучению проблемы позволяет утверждать, что история выстраивания отношения различных земель, входивших в состав империи, с центром отнюдь не сводится к земледельческому освоению, заселению и, уж тем более, к колониальной эксплуатации. Это и еще и очень длительный и сложный процесс инкорпорации этих территорий в единую административно-политическую, правовую системы и социокультурную жизнь государства. Присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит. Изучение конкретно-исторического материала свидетельствует о том, что вслед за присоединением перед правительством вставала проблема властного освоения этих земель, а решение проблем хозяйственного обустройст-

ва отодвигалось на второй план. Но в силу уже отмеченного нами существенно-го различия новых земель процесс и методы их хозяйственного и властного освоения не быть одинаковыми. Так зарождались «особенные правила» взаимоотношения с новыми окраинными территориями, которые в каждом конкретном случае имели как общие, так и индивидуальные особенности. По мере упрочения самодержавия во внутренней политике начинает четко прослеживаться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных территорий. На примере Сибири этот процесс в конечном итоге вылился в эволюции этой колониальной окраины в периферийную часть государства.

Таким образом, отметим, что определение окраин как «незаселенных, или не вполне заселенных, не вполне вовлеченных в земледельческую культуру земель» может быть верным лишь отчасти, поскольку касается только хозяйственной стороны процесса инкорпорации окраинных территорий и совершенно не учитывает административные, правовые, социокультурные аспекты, иными словами отрывает политику от экономики. Это один из наиболее принципиальных подходов авторов к изучаемой проблеме. Не касаясь споров о понятии «регион», подчеркнем, что под «регионом» подразумевается, не административное или политическое образование, а прежде всего исторически сложившаяся социально-территориальная, географическая общность, на территории которой могут существовать свои субъекты с присущим им административным устройством. В этом смысле Сибирь представляла собой единый регион, состоящий из четырех губерний и двух областей. Административно-территориальное деление любого государства основывается на узлом принципе районирования – «центр – периферия». В унитарном государстве, каковым были Россия рассматриваемого периода, строгость иерархии соблюдалась незыблемо. Имперско-феодальный центр, исходя из стратегической цели экономической и политической консолидации государства, стремился не только извлекать из периферии ресурсы, но и «проникнуть в нее, перестроить ее духовно-символические принципы...», а в конечном итоге, «мобилизовать... для своих целей». В то же время существовала возможность и для воздействия хотя бы какой-то части периферии на центр, определенная часть населения которой имела к нему символический доступ. Однако взаимоотношения между центром и периферией и, как следствие, автономность окраин империи были жестко регламентированы, исходили из постулата политического превосходства центра и были подчинены задаче не только сохранения целостности империи, но и системы российской державности. Это стало особенно заметно во второй половине XIX в., когда любые проявления нерусскости, особенно на периферии, стали рассматривать как признаки раздробленности, слабости и даже предательства.

Анализируя проблему региональной политики империи, взаимоотношения между центром и окраинами, целесообразно исходить из характеристики империи не только как сверхгосударства, в центре которого находится могущественная государственная власть, но и как категории «мир-империя», на пространстве которого располагались как центр, так и периферия. Центр выступает несопоставимо сильнее периферии, последняя же имеет свою иерар-

хию по отношению к центру. Иными словами, между периферийными территориями существует неравенство. Эти «миры-экономики», по мнению Ф. Броделя, образовались в результате побед политики над экономикой. В России свою реальность «мир-экономика» доказал существованием обширных периферийных областей, в том числе фантастическими территориями Сибири (Ф. Бродель называет Сибирь «бескрайней периферией»). Эти «зачаровывающие» земли, «баснословное пространство» были завоеваны в несколько стихийных продвижений, однако даже к концу XVIII в. до полного овладения Сибирью было далеко.

Вовлечение новых регионов в капиталистический мир-экономику, по справедливому замечанию И. Валлерстайна, большей частью выглядело «исторически очень драматично» поскольку обычно сопровождалось ущемлением прежде существовавшей суверенности. В исторической литературе процесс территориального расширения России обычно рассматривается как создание империи. В данном качестве Российская империя являлась особой евразийской цивилизацией. В этой связи весьма уместным представляется замечание о том, что в культурологическом смысле империя есть не что иное, как борьба цивилизации с варварским смыслом внутри своей культуры и варварскими окраинами. В политологическом смысле термин «империя» также не несет в себе отрицательного смысла. Происходя от латинского, этот термин означает «власть государства». Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти, распространение ее на обширную территорию, значительный этнический и культурно разнородный состав населения, мощный бюрократический аппарат. Отмеченные характеристики базируются на определении империи как большой геополитической общности, данном Ф. Броделем. Таким образом, Россия представляла собой классическую империю.

Для изучения имперской политики на окраинах государства первостепенное значение имеют нормативные акты самодержавия, в которых в концентрированной форме формулировались основные направления правительственной политики. Важно подчеркнуть, что эти источники не только отражали сложившуюся на момент их появления ситуацию, но и формулировали правительственный подход к ее развитию на перспективу.

Абсолютное большинство нормативных источников по проблеме исследования рассматриваемого периода опубликованы в первом, втором и третьем «Полном собрании законов Российской империи», в сводах законов империи, ряде специальных изданий. Авторами было выявлено несколько сотен указов, манифестов, «учреждений» и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для понимания принципов и основ политики империи по отношению к крайним регионам государства.

Эволюцию организации местного управления на Кавказе в первой половине XIX в. позволяют проследить 8 основных нормативных актов. Наиболее важные из них – манифест императора Павла I от 18 января 1801 г. о присоединении Грузии к России и именной указ Александра I об учреждении в Грузии внутреннего управления с приложением его штата. Последующие за ни-

ми указы и постановления лишь отражали процесс модернизации местного управления региона, который растянулся почти на сорок лет. Завершился он разработкой и последующим принятием «Учреждения для управления Закавказским краем». Этот достаточно внушительный документ – более 300 параграфов – был в некоторой степени уникальным. Основанный на общих принципах управления внутренних российских губерний, он соответствовал в подробностях особым обстоятельствам и быту жителей за Кавказом. Реформой 10 апреля 1840 г. самодержавие надеялось реализовать главную цель своей политики в этом регионе – окончательно закрепить положение Закавказья как составной части Российской империи путем введения там общероссийской системы управления, построенной, в то же время, с учетом местных обстоятельств.

Процесс организации местного управления на западных окраинах Российского государства отражен в Полном собрании законов достаточно скупо – лишь в 12 нормативных актах. Положение Финляндии в составе империи характеризуют, в первую очередь, два манифеста: от 20 марта 1808 г. «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» и от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» с приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгаме 5 сентября того же года. В соответствии с ними Финляндия присоединялась «отныне навсегда к Российской империи», а ее населению гарантировалось процветание «под сенью престола нашего (т. е. российского. – Прим. И. Д.) <...> в тишине и безопасности». В манифестах от 5 июня 1808 г. и 15 марта 1809 г. Александр I энергично призывал финнов быть верными России, под «сильным щитом» которой местное «земледелие, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния воспримут новую жизнь». В то же время в следующем манифесте, подписанном в г. Борго 15 марта 1809 г., император подчеркивал, что он признал за «благо... вновь утвердить и удостоверить религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества... от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались...» [8].

В отношении организации управления другой окраины империи – Польши – в Полном собрании законов содержится единственный нормативный акт – Венский трактат от 3 мая 1815 г., в соответствии с которым Польша объявлялась находящейся «в неразрывной связи и во владении <...> императора Всероссийского и наследников его на вечные времена», однако ей гарантировалась конституция и «государственные учреждения, согласные с образом политического существования» поляков. Спустя некоторое время после окончания Венского конгресса Александр I действительно «даровал» Польше конституцию, однако характерно, что текст ее не был включен в Полное собрание законов. Тем не менее, в нашем распоряжении имеется полный текст польской конституции 1815 г., опубликованный известным историком права Н. Д. Сергеевским в 1915 г., т. е. ровно спустя 100 лет после ее подписания Александром I. Конституционная хартия Польши (конституция) содержит 165 статей, подразделяющихся на 7 титулов (частей) [6]. Их анализ

убедительно свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России не только общегосударственного, но и территориально-законодательного устройства. Так, например, если ст. 1 провозглашает «навсегда» присоединение Польши к России, а наследники царской короны объявляются царями Польши, то уже ст. 11 декларирует принцип религиозной толерантности, заявляя, что римско-католическая религия «будет предметом особенного попечительства» русского правительства, а духовенство всех иных исповеданий будет отныне находиться под покровительством законов империи. Статья 16 гарантирует свободу польской печати, а в ст. 17 все граждане объявляются равными в правах перед законом независимо от «сословия и звания».

В противовес западным окраинам империи, в Полном собрании законов содержится значительное количество нормативных актов, отражающих выработку и эволюцию правительственной политики в отношении восточных окраин России – прежде всего Сибири. Сплошное обследование материалов ПСЗ за период с 1762 по 1852 г., предпринятое авторами, позволило выявить около 600 законодательных актов, относящихся к этому региону. Как правило, это законы, регламентирующие организацию системы местного управления, правовое положение сословий, аграрное, налоговое законодательство и др. Изучение содержательной стороны выявленных нормативных актов свидетельствует о том, что больше всего внимания власти уделяли вопросам административного устройства, организации управления и государственной службе – им посвящено около половины выявленных законов. В этом смысле пик законотворческой активности правительства приходится на 1820–1830-е гг., что следует связывать со стремлением Николая I регламентировать все стороны жизни империи. Однако свое концентрированное выражение в Сибири политика имперского регионализма нашла в «Учреждении для управления Сибирских губерний» 1822 г., коренным образом изменившем административно-территориальное устройство и управление этой окраины, а также в «Обозрении главных оснований местного управления Сибири», опубликованном «по высочайшему повелению» в 1840 г. В нем дается характеристика «гражданского» управления региона до реформ 1822 г. и излагаются «главные начала», на которых учреждалась система управления этого края в соответствии с преобразованиями Сперанского.

Комплекс законов 1822 г., вошедший в литературу под названием «Сибирского учреждения» или «сибирских реформ» 1822 г., является по-своему уникальным памятником законодательного творчества империи. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих из 4019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Необходимо отметить, что мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса – «Учреждении для управления Сибирских губерний» и «Уставе об управлении инородцев». «Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства при-

менительно к данному региону. Вот почему в обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные, с точки зрения юриспруденции, понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «Сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом, а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего дается юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, определяются права и обязанности каждого из разрядов. Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд выше названных нормативных актов по управлению окраинами империи, например Конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Корпоративный анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством.

Отдельно следует выделить комплекс нормативных актов, отражающих изменения в системе сибирского управления и административно-территориального устройства после реформы 1822 г. Эти документы, характеризующие развитие нормативной базы на протяжении второй четверти XIX в., дают возможность проследить эволюцию правительственного взгляда на проблемы организации управления и административного устройства Сибири уже после М. М. Сперанского. Они позволяют провести сопоставление между начальными замыслами реформатора и судьбой его преобразований в проектах последователей.

Среди нормативных актов, отражающих наиболее важные изменения в подходе центра к выстраиванию взаимоотношений с окраинами в пореформенный период, применительно к Польше необходимо прежде всего отметить серию именных указов Александра II середины 60-х гг. XIX в., регулирующих организацию губернского и уездного управления, указ о подчинении финансовых органов Царства Польского Министерству финансов России, существенно урезавший польскую финансовую автономию, о введении в

Польше судебных уставов 1864 г. и указ об упразднении Комитета по делам Царства Польского от 29 мая 1881 г. Положение Финляндии в составе империи в первые пореформенные десятилетия характеризует Сеймовый устав 1869 г. Появлению Устава предшествовал именной Манифест Александра II, данный в день его восшествия на престол, т. е. 19 марта 1855 г. В нем император обещал «удостоверить религию, права и преимущества» финнов и хранить «оныя в ненарушимой и не преложной силе и действии...». Сам же Сеймовый устав был утвержден Александром в апреле 1869 г. в Петербурге. Это закон, состоящий из 83 параграфов, положил начало автономному положению Финляндии в составе Российской империи и последующим демократическим реформам в регионе. Попытки ограничить юрисдикцию финляндского сейма в конце XIX – начале XX в. и, как следствие, автономии Финляндии в целом, борьба в высших правительственных сферах по вопросу о возможных путях дальнейшего развития Финляндии в составе России отражены в законах, принятых по инициативе генерал-губернатора Н. И. Бобрíkова в 1890 г., с одной стороны, и в «высочайшем» манифесте Николая II от 22 октября 1905 г., отменившем все постановления генерал-губернатора Бобрíkова – с другой. Анализ нормативных актов правительства в отношении Финляндии позволяет заключить, что самодержавие с разной степенью готовности относилось к самой идее о возможных буржуазных преобразованиях в регионе. Гораздо легче оно шло на экономическую перестройку, значительно труднее – на преобразования в области социального, в том числе юридического, устройства и управления. И уж совсем неприемлемыми были для него требования о необходимости преобразований в конституционном духе.

1. *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 26–31.

2. *Бродель Ф.* Время мира. Т. 3. М., 1992. С. 17–18, 49.

3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 70.

4. *Горюшин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма. (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

5. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М., 2002. С. 413.

6. Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815–1881) / Изд. Н. Д. Сергеевского. Засл. проф. С.-Петерб. Ун-та. СПб., 1907. С. 41–63. (Библиотека окраин России. № 5).

7. *Корево Н.* Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. С прил. и алф. указ. СПб., 1913. С. 130–158.

8. Парламент Финляндии. Хельсинки, 2000. С. 9–10.

9. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ) Собрание первое, второе, третье.

10. Сборник постановлений великого княжества Финляндского. 1890. № 15, 19 и др.

11. Свешников М. И. Курс русского государственного права. Приложения. СПб., 1895.

12. Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1907.

Regulatory Acts as a Source for Research on Periphery Policy of the Russian Monarchy at the Beginning of the XIXth – XXth Centuries

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

East-Siberian State Academy of Education, Irkutsk

The paper analyzes the development of the regulatory basis addressed the governing of the peripheral territories of the Russian Empire. Moreover it gives definitions of suburb, periphery, empire, region.

Key words: Asian Russia, empire legislation, suburbs of Russia, periphery, empire, region.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования, 664009, г. Иркутск, ул. Н. Набережная, 6, тел. 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru

Dameshek Lev Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Irina Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, the East-Siberian State Academy of Education, 664000, Irkutsk, Lower Embankment St., 6, phone 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru